

Алимов Д. Е. Формирование хорватской этнополитической общности в Далмации в зеркале этногенетической традиции. Д. Е. Алимов // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск: БГУ, 2009. — С. 93-101

Д. Е. Алимов

**ФОРМИРОВАНИЕ ХОРВАТСКОЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ В
ДАЛМАЦИИ В ЗЕРКАЛЕ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ**

Предлагающиеся в историографии различные варианты ответа на вопрос, когда и при каких обстоятельствах появился на восточном берегу Адриатики хорватский этнополитический организм, базируются, главным образом, на одном и том же давно известном науке круге письменных источников. Главное место среди них занимает трактат византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.), в двух главах которого — 30-й и 31-й — содержатся обстоятельные известия о ранней истории хорватов, включая сведения о том, как они обосновались в Далмации. Согласно утвердившемуся в историографии мнению 30-я глава трактата, в которой в отличие от 31-й главы инициатива в переселении и крещении хорватов не приписывается византийскому императору, опирается в ряде своих известий на историческую традицию самих хорватов. Предполагается, что 30-я глава была составлена несколько позднее остальных глав трактата, созданных между 948 и 952 гг., причем не императором, а неизвестным автором, являвшимся, по всей видимости, уроженцем Далмации [обзор мнений см.: 17, s. 35—38].

Вопрос о том, какие именно сюжеты из ранней истории хорватов, представленные в 30-й главе, основываются на хорватской традиции, а какие нет, давно является дискуссионным. Однако пассаж, рассказывающий собственно о поселении хорватов в Далмации, такого рода споров не вызывал: в историографии его безоговорочно относили к элементам хорватской традиции. Рассказав о том, что прежде хорваты проживали в расположенной далеко за пределами Балкан «Белой Хорватии», автор 30-й главы далее сообщает: «Один из родов, отделясь от них, а именно пять братьев: Клука, Ловел, Косендцис, Мухло и Хорват — и две сестры, Туга и Вуга, вместе с их народом пришли в Далмацию и обнаружили, что авары завладели этой землей. Поэтому несколько лет они воевали друг с другом — и одолели хорваты; одних аваров они убили, прочих принудили подчиниться. С тех пор эта страна находится под властью хорватов» [3, с. 130/131]. Рассказ о поселении хорватов в Далмации, содержащийся в 31-й главе трактата, отличается главным образом отсутствием в нем упоминания о семи хорватских вождах, вместо которых фигурирует отец архонта Порги, а также приписыванием главенствующей роли в поселении хорватов в Далмации византийскому императору Ираклию (610—641 гг.) [3, с. 136/137].

Попытки вписать известия трактата императора Константина о переселении хорватов в картину далматинского прошлого, восстанавливаемую по крайне скудным сведениям других, более ранних источников, неизменно наталкивались на трудности, впрочем, не настолько значительные, чтобы в историографии был потерян кредит доверия к данному источнику.

Алимов Денис Евгеньевич — ассистент кафедры истории славянских и балканских стран Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук

Если существование хорватской «прародины» где-то за пределами Далмации нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть за неимением информации других, более ранних, чем трактат императора Константина, источников, то с предполагаемым переселением хорватов на Балканы дело обстоит иначе. Несмотря на все приложенные историками старания, до сих пор не может найти удовлетворительного объяснения отсутствие каких-либо намеков на переселение хорватов в Далмацию в письменных источниках VII—LX вв. Другим труднообъяснимым моментом, как уже неоднократно отмечалось в историографии, является то обстоятельство, что, если верить трактату императора Константина, антиаварски настроенным хорватам каким-то образом удалось пройти в Далмацию из расположенной к северу от нее Белой Хорватии, несмотря на то, что эти земли отделялись от Далмации центральными областями Аварского каганата, в которых аварская власть осталась непоколебимой вплоть до конца VIII в. Объяснения, дававшиеся этому обстоятельству в историографии, были весьма разнообразны. Одни авторы усматривали в нем наглядное противоречие известий императора Константина историческим реалиям, предполагая, что хорваты появились в Далмации вместе с аварами, если не раньше, вместе с готами. Другие, напротив, защищали авторитет императора, приводя множество объяснений тому, как хорваты могли переместиться с севера на юг, не столкнувшись при этом с аварским ядром в Паннонии [обзор историографии см., например: 32, s. 54—60; 7, с. 117—125]. Все эти нередко весьма остроумные гипотезы основывались на допущении, что такие элементы традиции или концепты письменных источников, как «переселение», «война», «победа» и т. п., адекватно описывают исторические реалии, под которыми понимаются события, явившиеся наиболее важными эпизодами в истории «народа хорватов». Понятно, что такой подход почти полностью соответствовал представлениям самого ученого императора и его анонимного продолжателя — вероятного автора 30-й главы, а также тех хорватов или жителей Далмации, от которых в конечном счете эта информация попала в Константинополь. Отличие можно наблюдать разве что в том, что в историографии некоторые элементы хорватской традиции, такие как сюжет о пяти братьях и двух сестрах, который в отличие от «переселения» или «победы над аварами», выглядел неправдоподобно, обычно записывались в разряд легенд. Лишь относительно недавно исследователи стали открыто сомневаться в адекватности доминировавшего прежде подхода к интерпретации этих известий [см., например: 23, s. 123].

Существенной новацией стало появление концепции, согласно которой до появления на территории Далмации хорватского политического образования хорватской этнической общности не существовало. По мнению ряда исследователей, первоначальные носители имени «хорват» представляли собой либо социальный слой Аварского каганата, наделенный военными функциями и контролировавший окраины аварской политики [20, s. 137—157; 26, s. 293—298; 27, s. 86—96], либо клан, игравший важную роль в каганате благодаря торговым и политическим функциям [28, s. 23—39], либо военно-политическую элиту каганата на определенном этапе его развития [22, s. 185—216]. Хотя в определении конкретного статуса первоначальных носителей имени «хорват» взгляды исследователей, не считающих их этнической общностью, существенно разнятся, сама по себе гипотеза о том, что название «хорват» на территории Далмации первоначально не имело этнического значения, продолжает получать поддержку исследователей. В самое последнее время новый импульс к развитию данной концепции дало применение к проблеме становления раннесредневековой хорватской этнической общности свойственного современной социальной антропологии конструктивистского подхода к пониманию самого феномена этничности. Д. Дзино, впервые наметивший подступы к последовательному рассмотрению становления раннесредневековой хорватской этничности в Далмации на методологической платформе конструктивизма, предложил трактовать древнейшую хорватскую идентичность в качестве новообразованной социальной или региональной идентичности местной элиты [13, s. 17; 14, p. 200].

¹ Об условности понятия «этническое самосознание» применительно к домодерным крестьянским обществам см., например: [2, с. 46—47].

Однако если допустить, что хорваты сформировались как этнос только на территории Далмации, закономерно возникает вопрос о том, как именно это произошло. Следует сразу же оговориться, что использование термина «этнический» применительно к раннесредневековым групповым идентичностям является в значительной степени условным. Как в свое время показал Р. Венкус, раннесредневековые варварские «племена» («gentes» латиноязычных источников) являли собой гетерогенные общности, политически, социально и идеологически конструируемые на основе воинской группы, сплотившейся вокруг харизматического вождя [34]. Идеологически конституирующим элементом такой общности была вера в общее происхождение, отраженная в этногенетическом мифе [см. подробнее: 35; 36]. Вместе с тем социальная, политическая и этническая (то есть основанная на вере в общее происхождение) идентичность были здесь практически неотделимы друг от друга. Так как в случае с хорватами мы также имеем дело с этнополитическим организмом — по крайней мере с середины IX в., когда появляются упоминания «дука хорватов» (*dux Chroatorum*) и «страны хорватов» (*regnum Chroatorum*), — то представляется методологически некорректным пытаться отделить употребление имени «хорват» для обозначения политической элиты от его использования в качестве названия этнической общности. О самоидентификации населения, подвластного в VII—IX вв. «хорватской элите», источники судить не позволяют. У нас нет оснований не только приписывать ему хорватскую или какую-либо иную этническую идентичность, но и вообще говорить о наличии у него «этнического самосознания» как такового ¹, если, конечно, не считать таковым сознание принадлежности к родственной группе или локальной общине. Представляется более продуктивным говорить о формировании не этнической, а этнополитической общности, не разделяя идентичность, которой обладала политическая элита, и «этническую» идентичность. Именно с этих позиций, памятуя о том, что хорватская этногенетическая традиция представляет собой прежде всего отражение «этнического» дискурса хорватской элиты [14, s. 200], мы и попробуем проанализировать восходящее к ней вышеприведенное известие 30-й главы трактата Константина.

Прежде всего необходимо обратить внимание на значение этносоциальных терминов, используемых в трактате применительно к первоначальной хорватской общности. То обстоятельство, что хорватский «род», фигурирующий в 30-й главе, состоял из пяти братьев и двух сестер, склоняет к тому, чтобы видеть в нем род в собственном смысле слова. Вместе с тем необходимо отметить, что это слово в трактате Константина Багрянородного употребляется для обозначения разных по своему характеру общностей. Во многих случаях оно, действительно, используется для обозначения рода [см. 3, с. 114/115]. В то же время этим термином обозначаются и более крупные общности, по сути представлявшие собой этнополитические организмы. Показательны главы трактата, посвященные ранней истории венгров. Так, в 38-й главе сообщается, что венгры состояли из семи «родов» [3, с. 162/163]. А в 39-й главе говорится об одном архонте «на три рода каваров», вошедших в состав венгерской общности [3, с. 162/163]. В 40-й главе называются восемь «родов» каваров и мадьяр, причем первый «род» — каварский, а остальные семь — мадьярские [3, с. 162/163], из чего следует, что в первый «род» входили три каварских «рода», фигурировавшие в предшествующей главе. Неоднозначны и слова 30-й главы о приходе вождей «вместе с их народом». Давно было замечено, что данное слово использовалось в трактате императора Константина как в значении «народ», так и в значении «войско» [8, с. 62; 12, s. 452, 461—462].

Как известно, этногенетические предания несут важную идеологическую функцию, объясняя происхождение и поддерживая сохранение этнополитической общности [21, s. 142; 6, с. 35; 35, s. 30—31; 16, p. 18—24]. Характерные для таких преданий элементы легко распозна-

ются в рассказе о переселении хорватов. Так, ряд элементов предания (мотив одного рода, состоящего из братьев и сестер, число «семь», наличие героя — эпонима общности), очевидно, должны были подчеркивать единство группы [6, с. 41]. С другой стороны, уже само перечисление имен вождей должно было указывать на значимость ее отдельных составляющих, кого бы или что бы они собой ни представляли. Как показывают исследования этногенетических преданий различных раннесредневековых «gentes», важным элементом их представления о прошлом являлся также миф об исходе с территории некой «прародины». В действительности же «переселение народа» могло сводиться к закреплению в том или ином районе относительно небольшой воинской группы, становившейся ядром общности, конституируемой на новом месте путем принятия соответствующей идеологии различными по своему происхождению элементами. Результаты исследований некоторых «миграций» V—VI вв. показали, что перемещения воинских групп четко фиксируются лишь в областях, расположенных в относительной близости к римскому лimesу, причем именно римские (византийские) власти зачастую играли основную роль в привлечении этих групп в те или иные приграничные районы в целях обороны от других варваров [см., например: 10, p. 28—29]. Локализация хорватской «прародины» на севере могла в связи с этим являться результатом позднейшей рационализации, исходившей либо от самих хорватов, либо от византийцев, знавших о существовании хорватских групп на севере. К числу элементов, характерных для этногенетических преданий, следует отнести и мотив длительной войны и завершившей ее победы над могущественным противником, с которой начинается история нового «народа». Как показал Х. Вольфрам, в этногенетических легендах раннесредневековых германских общностей событием, символизирующим рождение или выход на историческую сцену новой общности, часто являлась победа над могущественным врагом, причем этот враг оставался главным для исторической традиции данной общности, иногда даже вопреки историческим реалиям. Х. Вольфрам объясняет это сохранением памяти о том, что заявивший о себе новый «народ» первоначально был частью более большой общности, от которой он насильно отделился, ускорив тем самым ее падение [36, s. 50—51].

Таким образом, хорватское этногенетическое предание, дошедшее до нас в изложении автора 30-й главы трактата «Об управлении империей», обнаруживает значительное сходство с другими памятниками жанра «origo gentis». Мы позволим себе оставить в стороне дискуссионный вопрос о том, насколько адекватна историческим реалиям во всех своих деталях концепция формирования раннесредневековых «gentes», разработанная Р. Венкусом. В самых общих чертах мы можем представить себе хорватский «этногенез» как постепенное превращение относительно небольшой воинской группы в этнополитическую общность. Дает ли нам «origo gentis Chroatorum» достаточно информации для того, чтобы хотя бы гипотетически восстановить исторический контекст, в котором осуществлялся хорватский «этногенез»? Думается, что на этот вопрос можно ответить положительно. Если вынести за скобки все те элементы хорватского этногенетического предания, которые находят многочисленные аналогии в других памятниках жанра «origo gentis», в нашем распоряжении для обнаружения реалий, в которых формировалась хорватская этнополитическая общность «gens Chroatorum», останутся только имена легендарных хорватских вождей и стойкая оппозиция «хорваты — авары».

Следует сразу отметить, что сама по себе ситуация конфликта вполне могла являться фактором, способствовавшим конституированию нового этнополитического организма. Так, от аваров отделилась сформировавшаяся на периферии каганата, в районе Сирмия, гетерогенная общность, возглавленная болгарским вождем Кувером, как о том подробно рассказывает вторая книга «Чудес св. Димитрия Солунского» [5, с. 170/171]. О похожем пути формирования новой этнополитической общности — «gens Winidorum» — рассказывает и «Так называемая Хроника Фредегара» в своем известном пассаже о «сыновьях гуннов», возглавив-

² На сходство обстоятельств возникновения раннего хорватского политического образования и «державы» Само указал Я. Штайнхюбель, справедливо предположив, что обе политики были образованы группами, интегрированными в аварский социум [29, s. 382—383].

ших восстание против аварских властей [5, с. 366/367] ². Если верить известиям патриарха Никифора, Великая Болгария Кубрата также была консолидирована как сила, противопоставившая себя аварам [9, с. 153/161]. Похожие последствия имел и более поздний конфликт в Хазарском каганате: согласно 39-й главе все того же трактата Константина Багрянородного, кавары, вошедшие в качестве отдельной этнополитической единицы, возглавлявшейся своим «архонтом», в состав венгерского политического объединения Леведии, сформировались как особая общность в результате своего отделения от хазар [3, с. 162/163].

Однако у нас нет веских оснований считать, что война хорватов с аварами имела место в действительности, то есть была более реальной, чем описываемая в этом же источнике война хорватов с франками, нередко провозглашаемая в историографии вымыслом хорватской традиции, смешавшей Хорватию с Посавьем. Речь могла идти и о постепенном ослаблении аварской власти, создавшем условия для кристаллизации новой политики на периферии каганата. Однако то обстоятельство, что хорватское этногенетическое предание ставит в начало хорватской истории именно конфликт с аварами, важно само по себе. Оно свидетельствует о том, что, во-первых, далматинские хорваты в середине X в. именно к этому периоду относили начало своего исторического бытия и, во-вторых, что для носителей хорватской этнической идентичности противопоставление себя аварам было особенно значимо. В данном контексте хорватская идентичность должна рассматриваться как идентичность врагов авар.

О том, что оппозиция «хорваты — авары» была актуальна для Далмации и спустя более чем сотню лет после окончательного падения каганата, свидетельствует известие 30-й главы о проживании в Хорватии «остатков аваров» [3, с. 130/131]. Сохранение аварской идентичности среди тех, кто относил себя к «gens Chroatorum», по понятным причинам представляется невозможным. Скорее всего, данное сообщение отражает приписывание аварской идентичности какой-то политически организованной группе, прежде лояльной властям каганата, но оказавшейся под властью хорватов. Поэтому представляется вполне вероятным предположение Ф. Шишича, что хорватские «авары», современные автору 30-й главы, проживали в той части Хорватского государства, которая находилась под управлением лица, носившего, вероятно, аварский по происхождению титул бана, и где наблюдается концентрация топонимов с корнем «obr» [30, s. 678—680]. Есть основания полагать, что речь в данном случае шла о социальной верхушке соседней с хорватами этнополитической общности гудусканов, включенной к началу IX в. в состав хорватского вожества, но сохранившей при этом автономный статус [1, с. 5—21].

Все высказанные в историографии суждения относительно того, кого или что могли символизировать собой семь легендарных вождей, хотя подчас и базировались на серьезном изучении этимологии имен, по понятным причинам остаются сугубо

гипотетическими. Определенно можно говорить лишь о том, что имена хорватских вождей, что бы они в действительности ни означали, не являются славянскими [19, s. 89]. Само название «хорват» и, соответственно, имя легендарного вождя Хорвата, согласно наиболее аргументированным вариантам его этимологии, является иранским. Во II—III вв. в Приазовье имя «Хорват», как о том свидетельствуют знаменитые надписи из Танаиса, использовалось в качестве антропонима, восходя, вероятно, к обозначению одной из местных ираноязычных родственных групп [см. подробно: 31, p. 9—28]. Сравнивая рассказ 30-й главы трактата «Об управлении империей» о приходе хорватов с известиями «Хронографии» Феофана Исповедника и «Бревиария» патриарха Никифора об образовании «Великой Болгарии», исследователи давно

³ В связи с этим в историографии нередко высказывались гипотезы о тождестве Хорвата и Кубрата и болгарском происхождении хорватов [обзор мнений см.: 25, s. 288—292]. Более нюансированное объяснение данным параллелям недавно предложил Л. Маргетич. По мнению исследователя, при хане Кубрате/Кровате произошло не только высвобождение болгар из-под власти авар, но и распространение политического влияния Кубрата/Кровата в самом Аварском каганате, ознаменовавшееся утверждением у власти новой военной элиты — «хротов» (людей Кровата), сохранявших свои позиции до 670-х гг., а затем оттесненных на окраины каганата новой волной пришельцев с востока [22, s. 185—216].

обращали внимание на сходство имен хорватского вождя Хорвата/Хрвата и болгарского правителя Кубрата/Кровата в «Хронографии» Феофана Исповедника и «Crobatus» в труде Анастасия Библиотекаря). Хотя у нас нет оснований считать именно имя «Кроват» оригинальной формой имени болгарского правителя, сходство сюжетов (согласно Никифору Кубрат изгнал из своих владений аваров) и хронологическая близость событий (Кубрат был современником и союзником императора Ираклия, при котором, согласно императору Константину, хорваты пришли в Далмацию) делают совпадение имен весьма интригующим ³.

Имена легендарных сестер «Туга» и «Вуга», как в свое время убедительно показал Й. Мик-кола, могли являться тюркскими мужскими именами. Довольно близкие тюркские эквиваленты подыскал финский лингвист и для имен «Клука» (Kuluk) и «Косендцис» (Qosunci) [24, s. 158—159]. Происхождение последнего имени представляет в этой связи особый интерес. Как уже давно было замечено в историографии, оно с большей долей вероятности может быть связано со средневековыми каринтийскими косезами, принимавшей участие в интронизации герцога Каринтии социальной группой, корни которой, судя по всему, уходят в эпоху Карантанского княжества [обзор мнений см.: 33, s. 126—127]. В свете аварского контекста становления хорватской общности представляется особенно вероятной развивавшаяся Л. Хауптманном гипотеза о связи карантанских косезов (реконструируемая форма единственного числа — kaseg [33, s. 126]) с кавказскими касогами [15, s. 59—61]. В самом названии «касоги», служившем в раннее Средневековье обозначением одной из крупнейших адыгских общностей Западного Кавказа, отразился, по мнению ряда исследователей, процесс интенсивного взаимодействия адыгов с тюркоязычными обитателями близлежащих степных районов [см. подробно: 4, с. 84—111]. Первоначальная касожская идентичность была, согласно данной точке зрения, социальной идентичностью военизированных «братств», на что указывает происхождение названия «касог» от термина «кош» (в значении «кочевье», «временный лагерь») и его этимологическая и семантическая близость к адыгскому термину «кьошыгъ» («братство») и социальному термину «казак» [4, с. 103—108]. С исторической точки зрения присутствие в составе «хорватской» общности выходцев с территории Западного Кавказа выглядит вполне вероятным, а вопрос об обстоятельствах

их появления в Аварском каганате, очевидно, должен решаться с учетом взаимосвязей с аварами приазовско-причерноморских болгар.

Подобное прочтение хорватского «origo gentis» вкупе с трудно разрешимыми противоречиями, порождаемыми версией о переселении хорватов из земель, расположенных к северу от Аварского каганата, на земли, лежащие к югу от его ядра, склоняет к тому, чтобы считать первоначальную хорватскую (или лишь впоследствии осмысленную в качестве таковой) группу интегральным элементом аварской политики. Когда именно могли сложиться условия для формирования на периферии Аварского каганата более или менее самостоятельного политического образования? Согласно письменным источникам каганат переживал крупные потрясения в 630-е, 680-е (восстание Кувера) и 790-е (вторжение франков) годы. Интересно, что исключительно сильный внутренний конфликт в Аварском каганате, закончившийся политической эмансипацией и исходом из каганата болгарских групп, пришелся как раз на

⁴ Сходство известий венецианских хроник — «*Chronicon altinate*» и Иоанна Дьякона — об активной деятельности императора Ираклия в регионе Адриатики с тем, что сообщает об Ираклии император Константин, позволило Н. Будаку высказать предположение, что в основе известий трактата о деятельности императора Ираклия была традиция романских жителей прибрежных городов Далмации [12, s. 75].

время правления в Византии императора Ираклия, с именем которого в 31-й главе трактата императора Константина связывается переселение хорватов в Далмацию.

Рассказав в 31-й главе своего трактата о древнем месте обитания хорватов и предложив этимологию имени «хорват», Константин Багрянородный сообщает о приходе хорватов к императору Ираклию в эпоху, когда авары заняли Далмацию и изгнали оттуда «римлян». Заключив, что после изгнания «римлян» аварами «их земли остались пустыми», император сообщает: «Поэтому, по повелению василевса Ираклия, эти хорваты, пойдя войною против аваров и прогнав их оттуда, по воле василевса и поселились в сей стране аваров, в какой живут ныне» [3, с. 136/137]. Архонтом хорватов в это время был отец Порги. Когда же архонтом был уже сам Порга, состоялось крещение хорватов императором Ираклием, приведшим с этой целью священников из Рима [3, с. 136/137]. Хотя источник соответствующих известий 31-й главы остается неизвестным ⁴, упоминание в ней императора Ираклия, в правление которого Аварский каганат, действительно, пережил крупный внутренний конфликт, а также, очевидно, неславянское имя архонта Порги, вполне вписываются в реконструируемую картину становления этнополитической общности далматинских хорватов. В свете известий «Бревиария» патриарха Никифора об изгнании аваров правителем Великой Болгарии Кубратом, также являвшимся союзником императора Ираклия, представляется возможным говорить об определенной параллельности процессов, происходивших в 630-е годы в Далмации и Северном Причерноморье, на юго-западных и юго-восточных рубежах Аварского каганата, а также об очевидной заинтересованности в них Византии. Подъем новых воинских элит, обусловленный ослаблением Аварского каганата, очевидно, привел в действие механизмы формирования новых или актуализации и наполнения новым смыслом ранее существовавших групповых идентичностей.

Таким образом, условия для возникновения в Далмации самостоятельной этнополитической единицы сложились еще в правление императора Ираклия, в 630-е годы. Вероятно, именно тогда, используя острый политический кризис, разразившийся внутри «*Rex Avarica*», какая-то часть региональной военной элиты каганата, порвав с верховной властью, начала ориентироваться на Византию. Эта радикальная перемена, значение которой для судеб раннесредневековой Далмации трудно переоценить, открыла возможность для осуществления здесь нового «антиаварского этногенеза». Гетерогенная

группа, состоявшая, как кажется, из тюркских, иранских, кавказских элементов, представителей полиэтничного аварского войска, генетически связанных с социокультурной средой евразийских степей, становится на территории Далмации самостоятельным центром силы. Само по себе это еще не означает, что именно к этому периоду следует относить сложение хорватской этнополитической общности как таковой. Место хорватской идентичности в начавшем тогда складываться политическом организме вплоть до появления первых достоверных известий о хорватах в IX в. остается неизвестным. Отсутствие упоминаний о хорватах в источниках VII—VIII вв. при наличии определенной, хотя и весьма скудной информации о политической и военной активности в регионе [см.: 18, s. 129—135] дает основания полагать, что политогенез в данном случае в значительной степени обгонял этногенез. Иными словами, утверждение здесь самостоятельной военной элиты предшествовало закреплению за нею хорватского имени. По мере кристаллизации на территории Далмации политического организма происходило, как можно думать, и закрепление за его верхушкой имени «хорват». Этот процесс, в свою очередь, созда-

вал условия для придания хорватской идентичности этнического характера, что нашло отражение, прежде всего, в оформлении этногенетического мифа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимов, Д. Е. «*Vorna dux Guduscanorum*». К вопросу о характере княжеской власти в Далматинской Хорватии в первой четверти IX в. / Д. Е. Алимов // Европа: международный альманах. Тюмень: Мандр и К^а, 2006. Вып. 6. С. 5—21.
2. Калинин, И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации / И. К. Калинин. М.: Наука, 2000. 178 с.
3. Константин Багрянородный. Об управлении империей / под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева; пер. Г. Г. Литаврина. 2-е изд. М.: Наука, 1991. 496 с.
4. Панеш, Э. Х. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (На примере Западного Кавказа) / Э. Х. Панеш. СПб.: Европейский Дом, 1996. 303 с.
5. Свод древнейших письменных известий о славянах: в 2 т. / сост.: С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. Т. 2. (VII—IX вв.). 590 с.
6. Тржешттик, Д. Славянские этногенетические легенды и их идеологическая функция / Д. Тржешттик // *Studia Balcanica*, 20. Раннефеодальные славянские государства и народности. София, 1991. С. 35—42.
7. Феранчи Б. Долазак Хрвата и Срба на Балканско полуострво (Осврт на нова тумачења) / Б. Феранчи // Сборник радова Византолошког института. Београд, 1996. Кн>. 35. С. 117—150.
8. Ферлуга, Ј. Византија и постанак на јужнословенских држава / Ј. Ферлуга // Сборник радова Византолошког института. Београд, 1968. Кн. 11. С. 55—66.
9. Чичуров, И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / И. С. Чичуров. М.: Наука, 1980. 215 с.
10. Amory P. People and Identity in Ostrogothic Italy, 489—555 / P. Amory. Cambridge: Cambridge university press, 2003. 522 p.
11. Budak, N. Tumacenje podrijetla Hrvata i najstarije povijesti Hrvata u djelima srednjovjekovnih pisaca / N. Budak // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. S. 73—78.

12. *Ditten, H.* Bemerkungen zu den ersten Ansätzen zur Staatsbildung bei Kroaten und Serben im 7. Jh. / H. Ditten // *Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9—11. Jahrhundert.* Praha, 1978. S. 441—462.
13. *Dzino, D.* «Biti», «Ciniti» i «Znati»: multietnicnost hrvatskog identiteta u ranom srednjem vijeku (Predgovor uz knjigu «Hrvatska povijest devetoga stoljeca» Ivana Muzica) / D. Dzino // *Muzic, I.* Hrvatska povijest devetoga stoljeca. Split: Naklada Boskovic, 2006. S. 9—19.
14. *Dzino, D.* «Becoming Slav», «becoming Croat»: new approaches in the research of identities in post-Roman Illyricum / D. Dzino // *Hortus Artium Medievalium.* 2008. Vol. 14. P. 195—206.
15. *Hauptmann, Lj.* Seoba Hrvata i Srba / Lj. Hauptmann // *Jugoslavenski historijski casopis.* 1937. Br. 3. S. 30—61.
16. *Hedeager, L.* Migration period Europe: the formation of a political mentality / L. Hedeager // *Rituals of power: from Late Antiquity to the Early Middle Ages* / ed. by F. Thews and J.L. Nelson. (The Transformation of the Roman World. Vol. 8). Leiden; Boston; Köln : Brill, 2000. P. 15—57.
17. *Heyduk, J.* Zrodia do tzw. etnogenezy Chorwatow dalmatynskich w swietle nowej literatury / J. Heyduk // *Slavia Antiqua.* 2003. T. 44. S. 33—50.
18. *Goldstein, I.* Hrvatski rani srednji vijek / I. Goldstein. Zagreb: Novi Liber : Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. 512 s.
19. *Katicic, R.* Filoloska razmatranja uz izvore o zacementima hrvatske drzave / R. Katicic // *Starohrvatska prosvjeta.* Ser. III 1986. Sv. 16. S. 77—92.
20. *Kronsteiner, O.* Gab es unter den Alpen slaven eine kroatische ethnische Gruppe? / O. Kronsteiner // *Wiener Slavistisches Jahrbuch.* Wien, 1978. Bd 24. S. 137—157.
21. *Leciejewicz, L.* Legendy etnogenetyczne w swiecie siovijskim / L. Leciejewicz // *Slavia Antiqua.* 1990. T. 32. S. 129—144.
22. *Margetic, L.* Dolazak Hrvata = Ankuft der Kroaten / L. Margetic. Split : Knjizevni krug, 2001. 339 s.

23. *Margetic, L.* O nekim pitanjima nase ranosrednjovjekovne povijesti / L. Margetic // *Zgodovinski casopis.* 1990. Letnik 44. S. 119—124.
24. *Mikkola, J. J.* Avarica / J. J. Mikkola // *Archiv für slavische Philologie.* Berlin, 1927. Bd 41.
25. *Muzic, I.* Hrvatska povijest devetoga stoljeca / I. Muzic. 2. dopunjeno izd. Split : Matica hrvatska, Ogranak : Naklada Boskovic, 2007. 358 s.
26. *Pohl, W.* Das Awarenreich und die «kroatischen» Ethnogenesen / W. Pohl // *Die Bayern und ihre Nachbarn.* T. I. / Hrsg. von H. Wolfram und A. Schwarz. Wien, 1985. S. 293—298.
27. *Pohl, W.* Osnove hrvatske etnogeneze: Avari i Slaveni / W. Pohl // *Etnogeneza Hrvata* / Ur. N. Budak. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske : Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. S. 86—96.
28. *Pritsak, O.* Kroatien und Kroaten während des neunten Jahrhunderts: Das Entstehen einer christlichen Nation / O. Pritsak // *Poceci krscanskog i drustvenog zivota u Hrvata od VII. do kraja IX. stoljeca.* Drugi medunarodni simpozij o crkvenoj povijesti u Hrvata. Split, 30. rujna — 5. listopada 1985. Split: Crkva u svijetu, 1990. S. 23—39.
29. *Steinhubel, J.* Povod a najstarsie dejiny Nitrianskeho kniezatstva / J. Steinhubel // *Historicky Casopis.* 1998. Roc. 46. S. 369—416.
30. *Sisic, F.* Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara / F. Sisic. Pretisak izdanja iz 1925. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske, 1990. 749 s.
31. *Skegro, A.* Two public inscriptions from the Greek colony of Tanais at the mouth of the Don river on the Sea of Azov / A. Skegro // *Review of Croatian History.* Zagreb, 2005. Vol. 1. Nr. 1. P. 9—28.

32. Svab, M. Danasnje stanje historiografije o pojavi Hrvata na istocnoj obali Jadrana / M. Svab // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. S. 54—60.
33. Stih, P. Novi pokusaji rjesavanja problematike Hrvata u Karantaciji / P. Stih // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske : Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. S. 122—139.
34. Wenskus, R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der fruhmittelalterlichen gentes / R. Wenskus. Koln; Graz: Bohlau, 1961.
35. Wolfram, H. Einleitung oder bberlegungen zur *Origo Gentis* / H. Wolfram // Typen der Ethnogenese unter besonderer Ben>cksichtigung der Bayern. Teil 1 / Hrsg. von H. Wolfram und W. Pohl. Wien, 1990. S. 19—34.
36. Wolfram, H. Razmatranja o *Origo gentis* / H. Wolfram // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske : Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. S. 40—53.

SUMMARY

Ethnogenetic legends, as is known, carry the important ideological function, explaining origins and maintaining preservation of ethnic groups. The Croatian ethnogenetic legend that has reached us in the exposition of the author of chapter 30 of the treatise of Constantinus Porphyrogenitus «De administrando imperio» (c. 950), is very similar to other monuments of the genre of *origo gentis*. In general outline we can imagine the Croatian «ethnogenesis» as a gradual transformation of a small military group into an ethnopolitical community. If we leave aside all those elements of the Croatian ethnogenetic legend that have numerous analogies in other narratives of the genre of *origo gentis*, in our disposal for detecting realities in which *gens Chroatorum* was formed, there are only the non-Slavic names of the legendary Croatian chiefs and the opposition «Croats vs. Avars». Such an approach impels us to consider the initial Croatian (or only subsequently conceived as such) group to be an integral element of the Avar polity. Favourable conditions for the making of an independent ethnopolitical entity in Dalmatia arose in 630s, in the time of the great internal crisis in *Pax Avarica*. A heterogeneous military group, consisting of Iranian, Turkic, and, probably, Caucasian elements, connected with the social and cultural environment of Eurasian steppe region, broke off with the qaganate supreme power. That change has led to the new anti-Avar «ethnogenesis» in Dalmatia favoured by Byzantium. Whatever was the character of the initial Croatian identity, it is necessary to emphasize, that a way for the making of the ethnic group, which will be known in Dalmatia under the name of the Croats, has opened only with its politization («Croats» as the enemies of the Avars), and not in any way earlier.